

В.В. ПЕТУХОВ

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЯН И ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПРОСА НА ПЕРЕМЕНЫ

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич – кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), Россия (petuhovvv@mail.ru).

Аннотация. Опираясь на результаты мониторинговых исследований ФНИСЦ РАН, автор анализирует причины и последствия смены парадигмы в общественных настроениях, связанной с актуализацией запроса на перемены. Его формирование обусловлено, прежде всего, осознанием значительной частью общества, что поддержание статус-кво в ситуации экономической депрессии и деградации многих социальных институтов по сути означает дальнейшую консервацию застоя и кризисных явлений. В то же время желаемые перемены не радикальны по своему характеру и лишь отчасти устремлены в будущее. Немалое число россиян устроило бы возврат в «сытые» и сравнительно спокойные 2000-е гг. С содержательной точки зрения этот запрос максимально деидеологизирован и деполитизирован. Представляя собой скорее набор пожеланий, чем требований, адресованных властям, он ориентирован на решение насущных социальных проблем и минимизацию разнообразных неравенств. По своей сути – это не отрицание стабильности как общественного блага, а скорее понимание истощенности, реализуемой властями инерционно-охранительной парадигмы общественного развития.

Ключевые слова: общество • стабильность • перемены • общественный запрос • кризис • новые вызовы • справедливость • демократия • будущее

DOI: 10.31857/S013216250002784-5

Затяжной экономический и институционально-управленческий кризис, новые вызовы, с которыми сталкивается сегодня Россия, повлияли на социальное самочувствие и умонастроение россиян, во многом изменив вектор их ожиданий и настроений. В обществе вновь начал формироваться запрос на перемены, содержание и направленность которого, однако, не вполне очевидны и могут различаться в представлениях разных групп и слоев общества в весьма широком диапазоне – от стремления к коррекции проводимой государством экономической и социальной политики до требований радикальных изменений в большинстве сфер жизни общества, включая реформирование политической системы. Учитывая, что «проблемное поле» современной России имеет совершенно иную конфигурацию даже по сравнению с 2000-ми, не говоря уже о «бурных» 1990-х гг., целью настоящей статьи является попытка выяснить причины выявленной в ходе последних исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН актуализации общественного запроса на перемены, его суть, степень интенсивности и ключевые слагаемые¹.

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 14-28-00218.

¹ Под общественным запросом в данном случае понимается сообщение, посыл, исходящий от общества в целом или его части, адресованный либо власти, либо другой части общества. В настоящей статье речь пойдет о запросе в отношении определения россиянами главного вектора развития страны: что они считают приоритетным в нынешних реалиях – сохранение социально-экономической и политической стабильности, либо активизацию экономических, социальных и политических преобразований в стране. Актуальность исследования данного запроса (впрочем, как и других), не в последнюю очередь связана с неэффективным функционированием традиционных каналов коммуникации социума и власти (выборов, медиа, политических партий, других ретрансляторов общественных настроений), их неспособности аккумулировать и представлять в публичном пространстве интересы

Предпосылки формирования общественного запроса на перемены. В отличие от масштабных перемен всех сфер жизни общества, самих основ бытия людей на этапе становления новой России, процессы последних лет осуществляются в формате инерционного дискурса и вариативны в отношении перспектив на будущее. Такого рода постепенные изменения без глобальных преобразований П. Штомпка в свое время характеризовал как внутрисистемные, не подрывающие (по крайней мере, до поры до времени), целостность и стабильность общества [Штомпка, 1996: 18]. Однако, как показывает практика, степень их интенсивности может существенно варьироваться не только в общественном организме в целом, но и в его отдельных составляющих. З. Бауман объяснял такую особенность нынешнего этапа развития многих современных обществ, в том числе и российского, через понятие «ненаправленность перемен», подчеркнув тем самым, что их «текучий» характер не имеет, как правило, какого-то заранее определенного направления и потому с большим трудом прогнозируется². Самым ярким примером этого является разброс оценок ведущих российских экономистов и политологов относительно природы и возможных последствий социально-экономического кризиса в стране – от констатации его успешного завершения до прогнозирования дальнейшего углубления с возможным перерастанием в кризис политический [Демиденко, 2017].

Соответственно, отражение в массовом сознании изменений, носящих неочевидный по своему генезису и возможным последствиям характер также не линейно и противоречиво, поскольку формируется не только под воздействием объективных интересов и устремлений людей, но и внешних, как случайных, так и целенаправленных влияний. В подобных ситуациях чрезвычайно важна, по справедливому замечанию В.А. Ядова, интеграция в теории и методологии исследований макросоциальных процессов и повседневной жизнедеятельности людей [Ядов, 2009], и одновременно, преодоление пропасти между методологической «статикой» и предметной «динамикой» в рамках, получающих все большее распространение эволюционных подходов [Лапкин, Пантин, 2015].

На этой методологической основе возможно продвижение в понимании целого ряда парадоксальных, на первый взгляд, сдвигов в умонастроениях россиян, проявившихся в последнее время. В частности, выяснить, почему в течение достаточно длительного времени (около 20 лет) российские граждане, несмотря на множество трудностей, с которыми они сталкивались в своей повседневной жизни, не ощущали особой потребности в переменах, ни экономических, ни политических? И даже на кризис, затронувший интересы практически всех групп и слоев общества, их реакция была достаточно инфантильной? И с чем связана резкая, в течение буквально последних двух лет, актуализация запроса на перемены? Только ли с тем, что страна, судя по официальным заявлениям ее руководства, уже вышла на стадию восстановительного роста³?

Если судить по результатам последних опросов, большинство россиян пока не почувствовали каких-то существенных позитивных изменений ни в жизни страны в целом, ни в своей собственной жизни⁴. Но и особого недовольства по этому поводу они также не вы-

различных групп и слоев населения и общества в целом. В подобного рода ситуациях существенно возрастает роль опосредованных форм его выявления, прежде всего, через опросы общественного мнения, что не исключает использования иных, более формализованных форм коммуникации различных слоев населения с властью – петиций, обращений в СМИ, митингов и демонстраций, институтов электронной демократии и т.п. [Тарусин, 2009].

²Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года // Публичные лекции Полит.ру. 2011. 21 апреля. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/14/bauman/> (дата обращения: 14.05.2018).

³В частности, президент РФ В. Путин еще в сентябре 2017 г. на совещании с членами Правительства заявил о том, что «российская экономика из кризиса вышла, набирает обороты, и нам в этих условиях нужно сделать все для того, чтобы эту динамику сохранить». См.: Российская экономика вышла из кризиса и набирает обороты, заявил Путин // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20170911/1502322620.html> (дата обращения: 17.07.2018).

⁴Эмпирическую базу настоящей статьи составили данные исследования Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом,

сказывают. Во всяком случае, уровень протестных настроений в начале 2018 г. был ниже, чем в докризисном 2012 г. И даже «пенсионная реформа» пока не вызвала ожидаемой острой общественной реакции. И на этом неопределенном фоне то ли еще кризисной, то ли уже «посткризисной» стабильности происходит буквально взлет показателя запроса на перемены. Так, по данным наших мониторинговых исследований, число тех, кто полагает, что страна нуждается в существенных переменах, политических и экономических реформах, только за последний год (с марта 2017 г. по апрель 2018 г.) выросло сразу на 12% п.п. и ощутимо превысило (за многие годы наблюдений) число ориентированных на статус-кво (рис. 1). А за последние четыре года – на 26%. По социологическим меркам это гигантская величина.

Что касается многолетней ориентации россиян на статус-кво, то главный ее триггер – заметный рост доходов значительного числа россиян, обусловленный благоприятной экономической конъюнктурой 2000-х гг. А довольно апатичная реакция на кризис была обусловлена тем, что он носил вялотекущий неочевидный по своей направленности и возможным последствиям характер. Это сохраняло надежду на то, что скоро все вернется на круги своя, надо лишь немного потерпеть, по существу ничего не меняя. Тем более что еще у многих имелся определенный запас прочности, сформированный в предшествующее относительно «сытое» десятилетие [Петухов, 2016].

Не стоит забывать и о «посткрымском синдроме», который на какое-то время переключил внимание общества на «внешнеполитическую повестку», актуализировав, помимо патриотического подъема, многие, казалось бы, оставшиеся в прошлом страхи и угрозы. А именно возможность новой «холодной войны», полномасштабного противостояния России с Западом, с одной стороны, а с другой, страх кризисной дестабилизации, которая, как тогда казалось, может сломать привычный уклад жизни. Отсюда – синдром «безысходного терпения», особенно на начальной стадии кризиса, когда его возможные последствия не были очевидными и потому пугающими. В этих условиях ориентация на

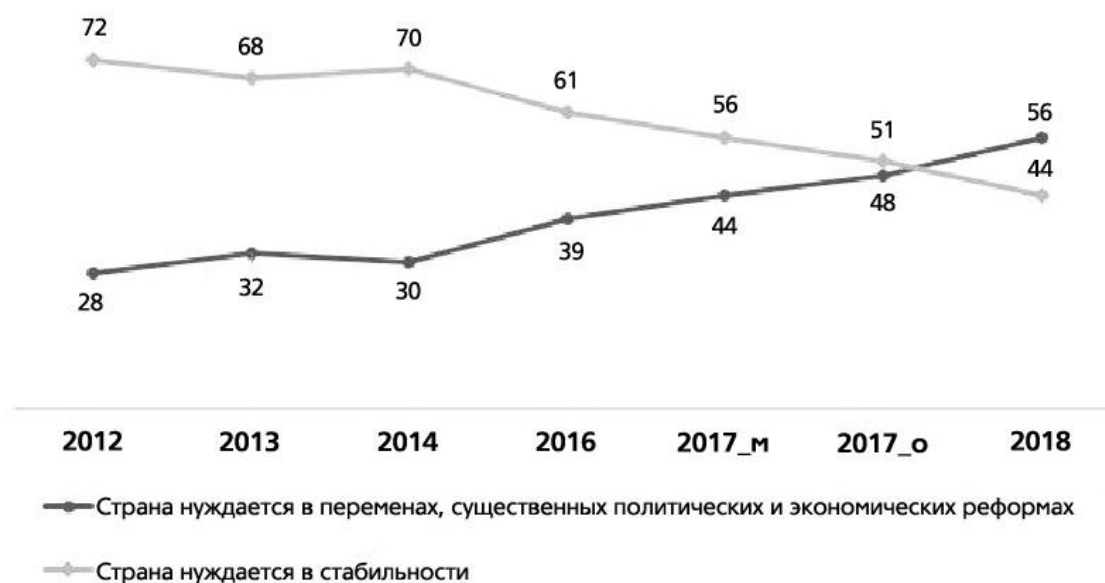

Рис. 1. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены, 2012–2018 гг. (в % от числа опрошенных)

Примечание. Обозначение «2017_м» – опрос, проведенный в мае 2017 г.; «2017_о» – опрос, проведенный в октябре 2017 г.

политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» по общероссийской выборке ($N = 4000$), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения (апрель 2018 г.), а также результаты мониторинговых исследований ИС РАН 2012–2018 гг.

статус-кво, без волюнтаристских экономических экспериментов, без агрессивной политической конфронтации, представлялась тогда и представляется многим сегодня (более 40% россиян) наиболее приемлемой для российского государства стратегией пережить трудные времена.

Что же изменилось в стране и обществе в 2017 г., что почти двадцатилетний тренд на стабильность резко сменил свою траекторию? Наверняка, появится множество версий, объясняющих данный феномен некоторыми специфическими особенностями национального менталитета, способностью россиян быстро (по историческим меркам) выходить из состояния «летаргического сна». Безусловно, невозможно отрицать наличие глубоких культурных и психологических особенностей российского общества, которые, вступая во взаимодействие с вновь возникшими реалиями, нередко давали весьма неожиданные реакции. Однако есть основания полагать, что нынешнее поколение россиян реагировало и реагирует на ситуацию в стране и изменения в ней в целом вполне рационально. И внешне внезапный переход от одного состояния общества к другому, выглядит таковым лишь на первый взгляд. Предпосылки к изменению отношения к перспективам будущего страны формировались на протяжении по меньшей мере трех последних лет и лишь в 2017 г., в ситуации нарастающей неопределенности, стали оформляться в потребность (еще до конца не отрефлексированную) в переменах.

Чем это было обусловлено? Во-первых, осознанием многими гражданами, что последствия кризиса далеко не преодолены и даже наметившиеся в экономике позитивные тренды всерьез повлиять на уровень и качество их жизни смогут еще не скоро, если вообще смогут. В окружающей их реальности россияне просто не видят (по крайней мере пока) «точек роста» ни в уровне жизни населения, ни в социальной сфере. Соответственно, лишь около трети россиян (29%) в отношении будущего страны настроены оптимистично, полагая, что она будет развиваться успешно. Несколько большее число опрошенных (34%), напротив, не видят позитивных перспектив и уверены, что страну ждут трудные времена. Но наибольшую часть (37%) составляют те, кто считает, что в России в ближайшие годы ничего принципиальным образом меняться не будет. А это означает, что значительная часть российского общества сегодня приходит к выводу: в новых реалиях ориентация на стабильность фактически означает ориентацию на консервацию застоя и кризисных явлений. Это не отрицание стабильности как общественного блага, тем более в стране, пережившей в своей новейшей истории множество катаклизмов, а скорее понимание исчерпанности, реализуемой властями в данный исторический момент инерционно-охранительной парадигмы общественного развития.

Как справедливо отмечает А. Галкин, наличие или отсутствие стабильности в обществе определяется в первую очередь состоянием общественного сознания, степенью его позитивного или негативного отношения к политическим институтам и власти в целом, к тому, насколько адекватно она реагирует на внешние и внутренние вызовы. В зависимости от их интенсивности такая реакция может порождать не только малозначительные, но и коренные изменения [Галкин, 2016]. Что собственно и произошло в начале 2000-х гг., когда само общество сделало выбор в пользу стабильности и, поддержав решительные действия властей по реанимации управляемости страной, пресекло тем самым дальнейшую «хаотизацию» жизни. И, напротив, в стабильность без развития, она стала трансформироваться в последние годы, когда начала приобретать политическое измерение, превратив саму идеологию стабильности, по сути, в инструмент навязывания обществу принципов социального порядка, необходимых для самосохранения ныне властвующей политической и экономической элиты [Яницкий, 2013:14].

Во-вторых, запрос на перемены во многом сформировался благодаря почти десяти годам экономического роста, вследствие чего в стране появился довольно значительный слой людей, который перестал воспринимать саму по себе стабильность априорной ценностью. Планка жизненных притязаний (причем не только материальных) многих россиян за эти годы заметно поднялась, однако, кризис отсрочил или даже их «обнулил», что стало

вызывать нарастающее беспокойство относительно своего будущего и будущего своих семей, прежде всего, «бенефициаров» формирующегося в России «общества потребления». Речь идет о городском среднем классе и молодежи, которых беспокоит наступление властей разного уровня на такие фундаментальные права и свободы, как неограниченное распространение информации в Интернете, справедливое судопроизводство, участие в мирных формах выражения своего недовольства и даже право на свободу предпринимательства. Так, среди россиян в возрасте 18–20 лет этот показатель достигает 64% (табл. 1). В этой связи трудно согласиться с теми, кто считает, что выходящая на улицы российских городов протестующая молодежь просто «валяет дурака» или с «жиру бесится». А старшее поколение, имеющее возможность сравнивать реальность со временами «брежневского застоя» и первых двух каденций Путина, видимо не уверено, что современная ситуация в стране является подлинно стабильной и рассчитывает на иной ее формат, чем нынешний.

В-третьих, потребность в переменах возникла на фоне тревожной неопределенности не только в связи с ситуацией в стране, но и за ее пределами. Многие наши сограждане осознали, что действия российского руководства по повышению международного влияния страны имеют конкретную «цену» и сопровождаются сопротивлением других внешнеполитических игроков, а значит, ведут к повышению вероятности новых конфликтов и проблем, что может отразиться на уровне и качестве жизни россиян. И это уже происходит, вследствие чего многие из формально внешних угроз, с которыми столкнулась Россия, стали внутренними или воспринимаются значительной частью российского общества таковыми. Например, популярное еще несколько лет назад мнение, что западные санкции не представляют никакой угрозы экономике России и благосостоянию ее граждан, сегодня разделяют лишь четверть опрошенных. Еще меньше тех, кто продолжает считать, что, живя в России и получая зарплату в рублях, можно не обращать внимания на колебания

Таблица 1

Оценка представителями различных социально-демографических групп необходимости перемен в жизни страны, 2018 г.
(в % от числа опрошенных)

Социально-демографические группы	Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны	Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены
Возрастные группы, лет		
18-30	62	38
31-40	51	49
41-50	49	51
51-60	45	55
61 и старше	46	54
Возрастные молодежные группы, лет		
18-20	64	34
21-25	60	38
26-30	59	41
Оценка уровня материального обеспечения		
Хорошо	57	43
Удовлетворительно	48	52
Плохо	51	49

курса доллара и рубля на валютном рынке. Страх перед будущим, которое воспринимается как некий конгломерат не очень понятных и потому пугающих угроз, формирует у многих граждан возвратный тренд запроса на перемены, а именно ностальгию по временам первых двух сроков президентства В. Путина, которые в сознании значительного числа нынешнего поколения россиян по целому ряду показателей (авторитет страны в мире, экономический рост, возможности профессиональной самореализации и ряд других), начинают вытеснять золотой век брежневского застоя⁵.

Особое беспокойство россиян вызывает тлеющий конфликт в Украине и опасения втягивания России в военное противостояние. 43% граждан испытывают по этому поводу постоянную тревогу и даже страх, столько же – некоторое беспокойство и лишь 14% особо не волнуются. Понятно, что эта тревога во многом выступает проекцией нарастающего противостояния с Западом, опасений его перерастания в полноценную «холодную волну». Такая ситуация россиянам представляется ненормальной и потому высказывания о необходимости серьезной коррекции как внутренней, так и внешней политики звучат все настойчивее. Завершившийся в России чемпионат мира по футболу дал этим настроениям новый импульс, продемонстрировав, что российское общество устало жить в обстановке «осажденной крепости», в стране, если верить центральным каналам телевидения, окруженной со всех сторон врагами или завистниками, и возродил надежду на обретение статуса не только великой державы, но и дружелюбной, пользующейся уважением в мире страны.

Характер и отличительные особенности запроса на перемены в контексте нынешних российских реалий. Отличительной особенностью настоящего запроса является его неамбициозный и нерадикальный характер, в том числе потому, что исторический опыт убедил россиян – наша страна способна на преобразования, требующие мобилизации всех имеющихся ресурсов, и существенно хуже удастся будничная, рутинная, не рассчитанная на быструю отдачу и пропагандистский эффект работа по улучшению качества жизни и среды обитания граждан.

Характерна в этом отношении реакция россиян на предложенный В. Путиным в президентском послании Федеральному собранию комплекс мер по реформированию различных сфер жизни российского общества. Как выяснилось, около 70% россиян склонны полагать, что Россия способна довольно быстро (по историческим меркам в диапазоне от 5-6 до 10-15 лет) обеспечить рывок в сфере науки и высоких технологий и нарастить экономический потенциал, достаточный для ее вхождения в пятерку ведущих экономик мира. А вот вероятность решения актуальных социальных проблем, таких как обеспечение роста реальных доходов работающего населения, создание доступной и качественной медицинской помощи, приведение в порядок региональных и местных дорог, увеличение размеров пенсий и формирование равных образовательных возможностей, была оценена респондентами существенно сдержаннее (на уровне 57–61%). Причем лишь около четверти опрошенных полагают, что срок в 5–6 лет достаточен для решения этих задач, от 32 до 38% считают, что для этого потребуется не менее 10–15 лет, в то время как от 36 до 41% опрошенных вообще не верят в реализуемость указанных задач в обозримой перспективе (табл. 2).

Еще одно принципиальное отличие нынешней ситуации от ситуации более чем тридцатилетней давности, когда наше общество в последний раз генерировало мощный запрос на перемены, состоит в том, что тогда «застрельщиком» перемен выступила власть в лице М. Горбачева, которая оформила их политически и идеологически (гласность,

⁵ Это характерно отнюдь не только для России. Г. Явлинский обозначил наметившийся тренд в общественном сознании многих стран, связанный с поворотом от будущего к прошлому, через мем «again policy», означающий стремление части политического класса и населения «вернуть» якобы имевшее в прошлом величие страны и благосостояние ее граждан. Наиболее ярким представителем этого политического течения является Д. Трамп с его обещанием «снова сделать Америку великой» [Явлинский, 2017: 143].

Таблица 2

**Оценка респондентами важности и реализуемости задач, поставленных в ежегодном
Послании президента России Федеральному Собранию РФ, 2018 г.**
(в % от числа опрошенных)

Задачи, сформулированные В. Путиным	Реализация этой задачи для меня не важна	Это важная задача, и она будет реализована		
		в ближайшие 5-6 лет	в течение 10-15 лет	вряд ли будет реализована
Обеспечение рывка в сфере науки и высоких технологий	15	38	32	15
Закрепление России в пятерке крупнейших экономик мира	9	32	35	24
Рост реальных доходов работающего населения	2	27	34	37
Увеличение размеров пенсий, их индексация выше темпов инфляции	4	27	31	38
Создание доступной и качественной медицинской помощи	2	23	38	37
Формирование равных образовательных возможностей	6	26	32	36
Приведение в порядок региональных и местных дорог	2	23	34	41

демократизация, открытость миру и т.д.). Ничего похожего сегодня нет. Сердцевиной нынешнего запроса является идея справедливости, понимаемая, прежде всего, как необходимость формирования в России того, что принято именовать обществом равных возможностей. Но она не предложена обществу в качестве стратегического ориентира властью, поскольку у нее иные представления об общественном благе. О трансформации политических институтов и их демократизации речь также пока не идет.

Во многом поэтому формируемый сегодня запрос на перемены максимально деидеологизирован и деполитизирован, и, как видно из нижеприведенных данных, связан в основном с социально-экономическими реалиями сегодняшнего дня и проблемами беспокоящих россиян в наибольшей степени (рис. 2). Среди них три первые позиции занимают: усиление социальной справедливости и борьба с коррупцией (эту позицию отметили 51% опрошенных), экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости страны – 41%, и реформы социальной сферы (науки, образования, здравоохранения, культуры) – 37%.

Несмотря на то что большинство наших сограждан по-прежнему видит главный источник угроз безопасности России за ее пределами, усиление обороноспособности страны респонденты считают хоть и важной, но все же не первоочередной задачей. Ее актуальность отметили 28% опрошенных. Либерализация и демократизация, сближение со странами Запада, впрочем, как и консервативный дискурс (возрождение традиционных ценностей, защита русских на постсоветском пространстве), то есть идеологически ориентированные слагаемые перемен, актуализированы в массовом сознании в еще меньшей степени.

В то же время, не видя в окружающей реальности предпосылок для демократизации общественно-политической жизни и не рассматривая ее в качестве первоочередной задачи, большинство наших сограждан (54%) будущее страны связывает с такой организацией общественной жизни, которая обеспечивает права человека, свободу самовыражения личности, т.е. с демократией. С режимом личной власти, ориентированным на

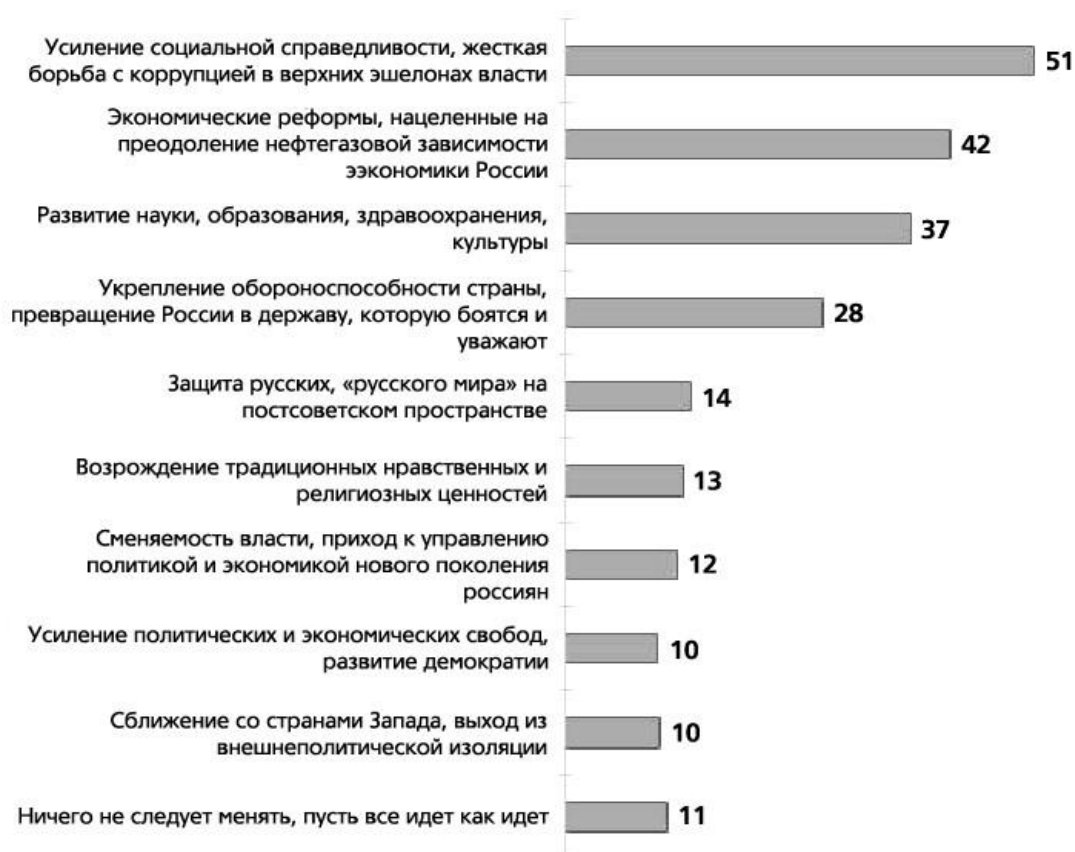

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В каких переменах, на ваш взгляд, нуждается современная Россия?», октябрь 2017 г. (в % от числа опрошенных)

обеспечение порядка, суверенитета страны, ассоциируют будущее также немалое, но все же меньшее число россиян (46%). Причем в группе респондентов с 18 до 30 лет число приверженцев демократической альтернативы для России превышает 60%.

Обращает на себя внимание и весьма скромное число сторонников такого важного индикатора любых социальных и политических перемен, как сменяемость власти, ротация экономической и политической элиты. Ее необходимость отметили лишь 12% опрошенных. По всей видимости, это связано с высоким уровнем поддержки В. Путина и надеждами на то, что после победы на президентских выборах он сможет решить проблемы, в наибольшей степени беспокоящие россиян: обеспечить экономический рост, повысить уровень жизни населения, улучшить ситуацию в социальной сфере.

Таким образом, запрос на перемены сегодня ориентирован на достижение все той же стабильности, но на новом качественном уровне, который не предполагает ломку экономического строя и политической структуры в целом и достигается путем их мягкой трансформации.

При наличии определенных различий в видении путей возможной трансформации России у разных групп и слоев населения, общий вектор их ожиданий ориентирован в первую очередь на реализацию принципа социальной справедливости, минимизацию разнообразных неравенств. Проблема, однако, состоит в том, что сами эти неравенства интерпретируются ими, впрочем, как и понимание справедливости, совершенно по-разному. Для одной части населения актуальным является, прежде всего, обеспечение равенства граждан перед законом и создание благоприятных возможностей индивидуальной самореализации и политического выбора. Для других – преодоление чрезмерного имущественного неравенства, разрыва между богатыми и бедными.

И это отнюдь не случайно. В глазах современного поколения россиян по степени востребованности идея справедливости может конкурировать только с идеей величия державы. Как видно из данных, идея социальной справедливости и сильной державы, на фоне

Рис. 3. Идея, лозунг импонирующая россиянам в наибольшей степени, октябрь 2016 г. (в % от числа опрошенных)

всех прочих, импонирующих россиянам в наибольшей степени, воспринимается чуть ли ни как «сверхценность» (рис. 3).

Казалось бы, какая между ними связь? Представляется, что она есть, по меньшей степени в двух аспектах. Идея справедливости, как известно, может быть востребована не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне и даже в какие-то исторические периоды актуализироваться для общества в целом. Безусловно, внешнеполитический дискурс величия в массовом сознании россиян, в первую очередь, связан с необходимостью оградить Россию от реальной или мнимой «хаотизации» мировой политики, учитывая, что положение дел в современном мире 85% россиян считают в разной степени неблагоприятным. Но это лишь одна сторона. Другая состоит в том, что утрата этого статуса после развала СССР до сих пор представляется многим гражданами несправедливой ввиду того вклада, который наш народ, победив фашизм, внес в установление нынешнего миропорядка и ту роль, которую Россия продолжает играть на мировой арене сегодня.

При этом, потребность в возрождении адекватного статуса России в мире не имеет ничего общего с экспансионистскими настроениями. Ее величие, по мнению россиян, должно «коваться», прежде всего, внутри страны, что, в свою очередь, предполагает наличие дееспособного государства, способного обеспечивать не только усиление позиций страны на международной арене, но и рост благосостояния ее граждан.

В этой связи возникает еще один чрезвычайно важный вопрос, который в последнее время активно дебатруется: насколько общественная потребность в сильном государстве тождественна запросу на так называемую «сильную руку», «твердый порядок»? Однозначно ответить на него довольно сложно. С одной стороны, персонификация власти, в данном случае президента В. Путина, в условиях глубокого институционально-управленческого кризиса очевидна, как и ее поддержка большинством населения страны. Последние выборы это еще раз наглядно подтвердили. С другой, россияне в первую очередь требуют от власти отнюдь не «закручивания гаек», а, как показывают исследования, напротив, неукоснительного соблюдения закона всеми, в том числе и власть предержащими, а также отбора на руководящие должности в государственные органы наиболее образованных и компетентных людей. Иными словами, сигнал, который подает общество власти, носит не столько авторитарный, сколько «меритократический» характер. Судя по

всему, значительная часть властных и окол властных кругов начинает это понимать. Как отмечает недавно назначенный председателем Счетной Палаты РФ А. Кудрин, необходим немедленный запуск реформы государственного управления, поскольку нынешняя система не способна решать задачи, стоящие перед страной. И далее подчеркивает, что без этой реформы никакие «прорывы» невозможны, никакие дерзкие цели недостижимы⁶.

Одновременно с этим, среди россиян, особенно молодых, по-прежнему высок уровень востребованности разнообразных свобод, актуальность которых имеет другую (отчасти противоположную запросу на сильную власть) природу. Даже в существенно урезанном виде, например, свобода передвижения, предпринимательства, независимое судопроизводство, право на участие в мирных акциях выражения своего недовольства являются определенной гарантией реализации личных жизненных стратегий граждан без оглядки на государство.

Преодоление «патерналистского синдрома» в сознании и социальных практиках россиян. Исследования последних лет фиксируют изменения характера взаимоотношений власти и общества в направлении увеличения числа граждан, не нуждающихся в государственном патронаже и заинтересованных в расширении пространства свободы и индивидуальной самореализации. Н.Е. Тихонова в этой связи отмечает, что в общественном сознании россиян произошел фундаментальный сдвиг: впервые в истории страны норма о приоритетности интересов государства по отношению к правам человека утратила свое доминирование. Такие изменения в базовых нормах россиян, регулирующих их отношения с государством, будут означать, по ее мнению, подлинную революцию, масштабы и последствия которой будут колоссальны [Тихонова, 2018: 87]. Это, конечно, некоторое преувеличение, но факт, что сегодня относительное большинство россиян действительно высказывают несогласие с вторичностью прав граждан по отношению к государству (36 против 29%). Хотя доля тех, кому сложно преодолеть патерналистский синдром, признать приоритетность прав граждан в их взаимоотношениях с государством, тоже достаточно велика. Это не только те, кто согласился с отмеченными тезисами, но и затруднившиеся ответить, которых в данном случае также оказалось очень много (35%) (табл. 3).

В распределениях ответов респондентов на эти вопросы уже просматриваются группы и слои, которые можно (с определенной долей условности) отнести к «носителям перемен». Это, прежде всего, молодежь, средние слои мегаполисов и крупных городов. Напомним, что именно они чаще других высказались за необходимость экономических и политических реформ в стране.

Но дело не только в декларативной поддержке этих во многом гипотетических альтернатив. Значительное число наших сограждан эти перемены уже реализуют в своих жизненных практиках. Как отмечал П. Штомпка, благодаря людям, живущим повседневной жизнью, делающим тот или иной выбор, принимающим решения по поводу своих частных целей и происходят изменения в экономике, демографии, в области жизненных стилей, привычек и т.д. А разрозненные результаты их индивидуальных поступков, будучи аккумулированными, приводят к зарождению долговременных тенденций [Штомпка, 1996: 241]. В данном случае речь идет, прежде всего, о так называемых самодостаточных россиянах, которые уже не нуждаются в государственной опеке или просто не верят в ее эффективность [Горшков, Седова, 2015]. Эти слои, сменившие на фоне роста доходов в 2000-е гг. стратегию пассивной адаптации к новым реалиям на активное освоение новых возможностей в повседневных жизненных практиках, формируют свои представления и о перспективах развития России, и о базовых принципах социальной справедливости, и о современном видении политической демократии.

До последнего времени реализуемые этими слоями активистские практики редко выходили за пределы отстаивания утилитарных индивидуальных или групповых интересов. Однако новые кризисные реалии заметно меняют эту ситуацию, ускоряя осознание

⁶ Кудрин А. Три задачи на два года // Коммерсант. 2018. 21 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579103> (дата обращения: 14.05.2018).

Таблица 3

**Мнение представителей различных социальных групп, касающееся соотношения
интересов государства и прав граждан, 2018 г.**
(в % от числа опрошенных)

Социально-демографические группы	Интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека		
	согласен	не согласен	трудно сказать
Среди всех опрошенных	29	36	35
Возрастные группы, лет			
До 30	23	39	37
31-40	28	35	36
41-50	30	36	34
51-60	27	39	34
61 и старше	39	28	33
Оценка уровня материального обеспечения			
Хорошо	33	38	30
Удовлетворительно	29	35	36
Плохо	26	36	38
Тип населенного пункта			
Мегаполис	26	42	32
Областной, республиканский центр	29	35	36
Районный центр	29	35	36
Поселок городского типа	25	31	43
Село	32	36	32

не только этими группами и слоями, но и россиянами в целом, во-первых, взаимосвязи между уровнем и качеством жизни и наличием или отсутствием политических свобод, и, во-вторых, того, что участие без представительства неэффективно. Особенно в ситуациях, когда властные структуры по тем или иным причинам не могут (или не хотят) отвечать на социальные запросы различных групп и слоев, а некоторые традиционные политические институты, в первую очередь, партии и профсоюзы, либо уstraняются от подобного рода деятельности, либо не пользуются широкой общественной поддержкой.

Отсюда заметный рост горизонтальной самоорганизации граждан, пробуждение до недавнего времени некоторых «спящих» институтов. Например, института местного самоуправления, который в некоторых регионах страны, прежде всего в Москве и Московской области, оказался не только востребован гражданами, но и начал играть роль центра общественной жизни соответствующих территорий. Ростки низовой демократии отчетливо просматриваются и в заметной активизации экологических движений и некоторых других общественных формированиях.

Таким образом, в обществе формируется значимый сегмент людей, заинтересованных в переменах и способных к активному социальному действию. Конечно, его вряд ли можно считать самостоятельным актором перемен, поскольку составляющие его группы и слои пока не обладают необходимым для этого ресурсным потенциалом и институционализированной субъектностью. Но само их появление, а также многообразные формы и практики гражданского активизма, меняют атмосферу в обществе. На смену синдрому «безысходного терпения» приходит хоть и небольшой, но отчетливо выраженный рост

уверенности граждан в своем праве влияния на власть, отстаивать свои интересы. Меняется и качество гражданского участия. Оно становится более социально мотивированным и солидарным. Поэтому уже в ближайшее время можно ждать появления самых различных форм и практик отстаивания гражданами своих социально-экономических и политических прав и свобод (многие из них будут носить сетевой (неформальный) характер), в которых будет сочетаться социальная и политическая повестка.

Выводы. В целом же можно констатировать, что в последнее время значительная часть российского общества демонстрирует желание и готовность к смене парадигмы общественного развития. Впрочем, немалое число россиян устроили бы несущественные перемены, а еще лучше возврат в «сытые» и сравнительно спокойные 2000-е гг. В отношении характера этого запроса можно сказать, что он представляет собой скорее набор пожеланий, чем требований, адресованных властям. Его неструктурированность в первую очередь связана с неэффективностью функционирования посреднических между властью и обществом структур, прежде всего институтов представительной демократии, призванных по своему функциональному предназначению аккумулировать и представлять в публичном пространстве интересы различных групп и слоев общества.

Что же касается власти, то, судя по последним программным заявлениям президента, его майскому Указу «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и разрабатываемых на его основе 13 национальных проектов, она реагирует на ключевые слагаемые общественного запроса. В то же время говорить о том, что курс властей и общественные запросы имеют высокую степень корреляции, пока не приходится. Идея прорыва, глубоких и последовательных перемен, сформулированная В. Путиным, носит подчеркнуто технократический характер и относится в первую очередь к прорыву в области технологий и цифровой экономики, а также некоторых социальных проблем, не затрагивая многих существенных вопросов будущего страны, таких, например, как перспективы реализации принципов социальной справедливости, эволюции политической системы, выхода страны из международной изоляции. Кроме того, нет уверенности в том, что нынешняя политическая и экономическая элита действительно заинтересована в переменах, и верит в то, что они возможны, хотя именно элитные группы везде и всегда выступали главным двигателем масштабных общественных изменений.

Но вызовы, стоящие сегодня перед Россией, таковы, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно благополучное десятилетие, страна вряд ли сможет динамично развиваться. И даже тем группам и слоям, которые по-прежнему ориентированы на статус-кво, придется определяться: устраивает ли их жизнь в ситуации вялотекущей кризисной стабильности или нужно искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. Тем более что умножающиеся вызовы, с которыми сталкивается страна и с которыми государство в одиночку уже не справляется, объективно востребуют то, что забытый ныне классик, называл энергией социального творчества масс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галкин А.А. Политическая стабильность в годы перемен и потрясений // *Власть*. 2016. Т. 24. № 7. С. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v24i7.4456>.
- Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне их жизненные приоритеты // *Социологические исследования*. 2015. № 12. С. 4–16.
- Демиденко С.Ю. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // *Социологические исследования*. 2017. № 6. С. 25–43. DOI: 10.7868/S0132162517060034.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Политическая динамика: методология прогнозирования в рамках парадигмы эволюционных циклов // *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития* / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. С. 121–142.
- Тарусин М.А. Общественные запросы и реакция власти // *Мониторинг общественного мнения*. 2009. № 4(92). С. 5–25.

- Петухов В.В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 86–96.
- Тихонова Н.А. Восприятие оптимальной модели государства в массовом сознании россиян // Двадцать пять лет российских трансформаций в оценках и суждениях россиян / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Издательство «Весь мир», 2018. С. 80–105.
- Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С. Дмитриева; Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Явлинский Г.А. Потеря будущего // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 133–155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.10>.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013.

Статья поступила: 30.05.18. Принята к публикации: 30.07.18.

DYNAMICS OF THE SOCIAL ATTITUDES OF THE RUSSIA'S CITIZENS AND MAKING OF A PUBLIC DEMAND FOR CHANGE

PETUKHOV V.V.

Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Russia

Vladimir V. PETUKHOV, Cand. Sci (Phil. Sci.), Head of the Center of the Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (petuhovvv@mail).

Acknowledgements. The paper is funded by Russian Science Foundation (project № 14-28-00218).

Abstract. The author using the results of the monitoring sociological research carried out by the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (Russian Academy of Sciences), analyzes the causes and consequences of the paradigm change's turning-point, caused by the actualization of the demand for social change. As the author argues the formation of such a request was determined mostly by the fact that a significant part of the Russia's citizens has realized that maintaining of the status quo during the economic depression and degradation of many social institutions means, in fact, preservation of stagnation and crisis. At the same time, as the author stresses, the desired changes are not radical by their nature and are just partly oriented to the future. It is noted that many Russians would prefer to return to the period of the 2000-ies, «well-fed» and relatively calm. It is noted in the article that, substantially, this demand is maximally de-ideologized and depoliticized. It is rather a set of wishes than a set of the requirements, addressed to the authorities. As the author argues this demand is focused, first of all, on the solution of the actual social problems and on the minimization of various inequalities. This demand for social change in its essence doesn't deny stability as a public good, it rather demonstrates that citizens understand that the inertial and protective paradigm of social development, implemented by the authorities, is exhausted.

Keywords: society, stability, change, public inquiry, crisis, new challenges, justice, democracy, future.

REFERENCES

- Demidenko S.Yu. (2017). The Society of Russia: the Look into the Future (The Materials of the «Round Table»). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 25–43. DOI: 10.7868/S0132162517060034 (In Russ.)
- Galkin A.A. (2016) Political Stability during the Years of Changes and Shock. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 24. No. 7: 5–9. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v24i7.4456>. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sedova N.N. (2015) «Self-sufficient» Russians and Their Life Priorities. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 4–16. (In Russ.)
- Lapkin V.V., Pantin V.I. (2015) Political Dynamics: Forecasting Methodology within the Paradigm of Evolutionary Cycles. In: *Political Science before the Challenges of Global and Regional Development*. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspect Press: 121–142 (In Russ.)
- Tarusin M.A. (2009) Public Inquiries and Reaction of Authority. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 4 (92). P. 5–25. (In Russ)

- Tikhonova N.A. (2018). Perception of the Optimal Model of the State in the Mass Consciousness of the Russia's Citizens. In: *Twenty-five Years of the Russian Transformations: Experience of Sociological Analyses*. Ed. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Publishing house «Ves mir»: 80–105. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2016) Readiness of Russians to Defend Their Social and Economic Rights during the «New Crisis Reality». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 86–96. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2009) *Contemporary Theoretical Sociology as a Conceptual Basis for the Study of the Transformations in Russia: A Course of Lectures in Sociology for the Magistracy Students*. 2nd corrected ed. St. Petersburg: Intersotsis. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2013) *Social Movements: Theory, Practice, Perspective*. Moscow: New chronograph. (In Russ.).
- Yavlinsky G.A. (2017) The Loss of the Future. *Polis. Politicheskie Issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 5: 133–155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.10> (In Russ.)
- Sztompka P. (1996) *Sociology of Social Change*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Received: 30.05.2018. Accepted: 30.07.2018.